

Виктор Емский

Паштет из соловьиных язычков

Повесть

Виктор Емский

Паштет из соловьиных язычков

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Емский В.

Паштет из соловьиных язычков / В. Емский — «ЛитРес:
Самиздат», 2019

Жуткая кровавая комедия о взаимоотношениях грабителей и ограбленных,
а также рассказ о влиянии божественного начала на страсть человека к
накопительству и стяжательству. И еще кое-что интересное из истории.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Виктор Емский

Паштет из соловьиных язычков

ПРЕДИСЛОВИЕ

Понятия ХАПУГА и БАРЫГА существуют в любом языке мира. Живом или мертвом. Они были, есть и будут, потому что выражают истинную природу человека. Эта повесть о Марке Крассе, его детях и подобных им людях, дело которых живет всех живых, так как стяжательство является самой увлекательной и приятной потребностью человечества.

ПОРЦИЯ ПЕРВАЯ

Проснувшись, Марк открыл глаза и увидел грубый каменный стол, покоившийся на трех базальтовых ногах. Завтрак был на месте. Он включал в себя размазанную по краям глиняной миски ежедневную порцию паштета, приготовленного из соловьиных язычков. Не было ни хлеба, ни ложки. Как обычно.

Марк хотел было взять миску и выбросить ее в пропасть, что он проделывал каждое утро, не собираясь есть такую пищу из принципа, но сегодня день был особенным, и потому он решил позавтракать тем, что дают. Но сначала нужно было выполнить ряд необходимых процедур.

Марк вышел из пещеры и, пройдя два десятка шагов, оказался у обрыва. Он торопливо сделал несколько гимнастических упражнений, после чего мельком взглянул на солнце, появившееся из-за горизонта.

Было холодно. Но Марк давно к этому привык. Первое время он сильно мерз, мечтая заболеть и умереть окончательно, но почему-то оставался жив и даже не кашлял. Сначала Марк удивлялся своему крепкому здоровью, но со временем понял, что здоровье это дано ему богами для того, чтобы он мучился как можно сильнее и как можно дольше об этом помнил. Сейчас же его закаленный организм только радовался утренней прохладе, и потому он пробежался вокруг скалы, сделав несколько кругов.

Размявшись, Марк подошел к чашевидной нише в стенке скалы и выпил чистой воды. Дождь лил каждую ночь. Этаким получасовой сеанс орошения, из-за которого не приходилось думать об отсутствии влаги. Да не особо-то было и надо. Есть влага – жизнь. Нет ее – смерть. Очень хотелось смерти, но углубление в скале регулярно наполнялось чистой водой.

Он огляделся и в очередной раз увидел, что стоит на ровной как стол вершине горы с возвышающейся в центре скалой. Вокруг горы расстилается безжизненная пустыня и даже с такой высоты не видно внизу ни одного человеческого жилища. А есть ли они вообще? А живы ли люди?

Он поднял взгляд вверх и улыбнулся обычному синему небу. Ни единой тучки не было в вышине. Потому что так было всегда. Кроме ночи. На востоке вставал алый диск солнца, а над скалой кружили три птицы. Марк приставил ладонь ко лбу.

Птицы появлялись всегда перед казнью, и количество их бывало разным. Когда две, когда три, а когда целая стая. Они беззвучно парили над скалой, и рассмотреть, к какому виду эти птицы относятся, было невозможно. Но то что они имели странный вид, становилось ясно при первом же взгляде на них. Туловища пернатых тварей чернели подобно саже, а крылья светились белым. Головы же походили на короткие цилиндры, и казалось, будто птицы надели ведрообразные боевые шлемы.

Марк, наблюдая за полетом воздушной троицы, подумал, что толку от таких наблюдений мало. Но на самом деле толк все-таки был, и заключался он прежде всего в том, что пернатые существа никогда не гадили на площадку, и это было достаточно приятным фактом, принимая во внимание немалую величину крылатых тварей.

Секира находилась на месте. Ее холодное лезвие сверкало в лучах восходящего солнца подобно звезде, обещающей новый прекрасный мир каждому, кто на нее взглянет. Правда, назначение секиры не имело никакого отношения к жизни, потому что создана она была для противоположной цели, и потому появлялась здесь лишь в строго определенные дни.

Сегодня был именно такой день. Деревянная колода ждала на краю площадки, и секира была воткнута лезвием в древнюю, почерневшую от крови древесину. Колода и секира появлялись в ночь перед днем казни, и тогда Марк испытывал множество различных ощущений.

Описать их невозможно, поскольку те, кто попадают в такие ситуации, о чувствах своих – равно как и об ощущениях – если и распространяются, то исключительно психиатрам, причем только во время проведения судебно-медицинской экспертизы. Но на вершине проклятой горы никаких специалистов по отходам человеческой мыслительной деятельности не было, и потому переживания Марка в который раз остались при нем.

Марк бросил взгляд на пещерную входную арку. Отверстие зияло. А почему оно не должно зиять, если оно есть? Он поймал себя на мысли, что все-таки рад перемене, ведь до очередной казни всегда приходилось ждать достаточно долго, и оставалось только копаться в собственных мыслях, которые легко могли привести обычного человека к безумию. Но Марк был обычным человеком всего только раз.

Тогда он ел, пил, командовал, наживал, общался, спал, купался, даже любил, короче – жил! А сейчас? Сейчас он тоже был, но совсем не так.

Марк зашел в пещеру и взял в руки миску с едой. Собрав три пальца щепотью, он быстро вычерпал противную на вид жижу и съел ее. Вытерев пальцы о полу грязной серой тунки, в которую был одет, Марк вышел из пещеры и зашвырнул миску в пропасть. Наклонившись туловищем вперед, он крикнул вниз:

– Сегодня ты без завтрака! Оближешь миску, сволочь! Если не разобьется...

Довольно хохотнув, он направился к колоде.

До встречи с жертвами оставалось еще несколько минут. Он вспомнил, что звали его раньше Марком Лицинием Крассом. И что дало это воспоминание? Ровным счетом ничего. Ведь тот, кого звали Крассом, давным-давно погиб, а пещерный затворник Марк продолжал жить. Вроде бы одно и то же существо, но не совсем. Как же это возможно?

Вдруг в глазах Марка потемнело. Но он не испугался, потому что привык. Так происходило всегда перед появлением огненных титров. И в этот раз они не заставили себя ждать. Воздух перед Марком соткался из множества оранжевых жгутов, и в небе возникла гигантская надпись:

КРАСС И ЛУКУЛЛ

Комедия

Прежняя жизнь не отпускала. В памяти тут же возникла дорожка, выложенная розовым камнем. Она бежала среди кустов роз и упиралась в большую беседку, построенную из идеально подогнанных мраморных плит. Там в удобном мягком кресле Красса ждал Лукулл.

Последний был одет в парадную тогу, украшенную багровыми полосами, переплетающимися с геометрическим орнаментом синего цвета, что недвусмысленно давало понять – перед тобой находится триумфатор. В руках бывший полководец держал небольшую золотую чашу, наполненную какой-то коричневой жижой. Маленькой изящной лопаточкой (тоже золотой) Лукулл зачерпывал порцию массы, отправлял ее в рот и медленно двигал челюстями, закатыва-

вая при этом глаза и показывая всем своим видом, что в данный момент он испытывает неземное блаженство.

Красс, подходя ровным шагом, внимательно смотрел на Лукулла и в уме выстраивал линию разговора. Он знал, что хозяин беседки ему не рад. Луций Лициний Лукулл был ему врагом. Но случается, что интересы, переплетаясь, заставляют забывать о вражде. И сейчас Красс и Лукулл были нужны друг другу.

Марк шагнул в беседку. Лукулл проглотил порцию непонятной жижи, указал рукой на сплетенное из ветвей кампанской ивы кресло, находившееся по другую сторону столика, уставленного всякими яствами, и торжественно произнес:

– Привет, барыга! Садись и будь моим гостем.

– Здорово, хапуга! – не нырнул в пазуху за словом Красс, усаживаясь в кресло.

Лукулл, отправивший в рот очередную порцию коричневой массы, тут же поперхнулся, но быстро справился с собой, проглотил пищу и хрипло поинтересовался:

– Почему это я хапуга?

Красс не стал спрашивать, за что его самого обозвали барыгой, а просто ответил:

– Потому что в тот час, когда мы с Суллой сражались у Коллинских ворот, ты в Греции занимался чеканкой монеты и снабжением флота. И за это время у тебя вдруг существенно выросло состояние. Откуда?

– Ничего подобного! – взревел побагровевший Лукулл.

– Тихо-тихо, – посоветовал ему Красс. – Не нервничай. А то сердце не выдержит. Вон, толстым каким стал...

Действительно, за последние четыре года, прошедшие со времени возвращения Лукулла из Армении, он из статного мускулистого человека превратился в грузного борова. Это было связано в первую очередь с тем, что Лукулл отказался от дальнейшей политической жизни и не претендовал более ни на какие должности, предпочитая наслаждаться жизнью. Но иногда, повинувшись непонятным рефлексам, он воскресал и надавливал на всякие рычаги, позволявшие ломать другим людям хорошо сложившиеся схемы.

Лукулл был богат. Правда, его богатство ни в какое сравнение не шло с огромным состоянием Красса, в связи с чем по отношению к своему гостю в цензовом плане Лукулл имел гораздо меньший вес. Марк это знал, но Цицерон, сидевший занозой в сенате, был лучшим другом Лукулла, и поэтому приходилось считаться с этим толстым обжорой.

– Зато ты высох от жажды! – наконец ответил Лукулл. – Только жажда твоя не имеет никакого отношения к воде и пище. Жажда твоя – страсть к наживе!

– Ты несправедлив ко мне, – ровным голосом произнес Красс.

В его планы не входила ссора с Лукуллом. Кроме политических дел у Марка к толстяку имелись вопросы, связанные со строительством доходных домов в Риме, и он хотел разобраться с земельными делами, поскольку некоторое количество участков, на которых собирался строиться Красс, принадлежало Лукуллу.

– Ну что ты так несдержан? – спросил Красс. – Подумаешь, правду в глаза сказали. Я – барыга, ты – хапуга. И что с того? Оба мы богаты.

– Я, может быть, и хапуга, – пыхтя от злости, сказал Лукулл, – но не барыга! Если я что-то брал, так это «что-то» само прилипало к рукам. Так сказать – дар богов. Грех не взять, раз боги дают. А основное богатство мое – военные трофеи! Я разгромил Митридата Евпатора! Я победил этого армянского зазнайку Тиграна, объявившего себя царем царей! Я захватил его столицу Тигранакерт! И еще одну... забыл ее название!

Лукулл схватил со столика чашу с вином, сделал из нее несколько жадных глотков и крикнул:

– Все мое богатство нажито честно!

Красс невозмутимо смотрел на Лукулла и молчал.

– А ты! – Лукулл обвинительно ткнул пальцем в Красса. – Ты не гнушаешься ничем! Ты имеешь прибыль от всего! Даже от пожаров!

Красс, которому надоели пафосные речи, с интересом взглянул на чашу, оставленную Лукуллом, и поинтересовался:

– А что это ты ел?

Лукулл, моментально забыв о пафосе, схватил чашу и ответил:

– Паштет из соловьиных язычков. Хочешь попробовать?

Он, зачерпнув золотой лопаточкой часть коричневой жижи из чаши, протянул ее Крассу. Марк взял лопаточку в руку и слизнул кашу.

Погоняв ее во рту и проглотив, он заметил:

– Паштет как паштет. На говяжью печень похож.

Лукулл вырвал лопаточку из руки Красса и обиженно заявил:

– Плебеем ты был – плебеем и остался! Ничего в еде не понимаешь.

Красс рассмеялся.

Смех его вызван был тем обстоятельством, что оба они (и Лукулл и Красс) принадлежали к одному и тому же роду Лициниев. И род этот был плебейским! В глубине веков потерялось между ними близкое родство. Оба они считались знатными гражданами Рима, и знатность эта была связана с заслугами предков, занимавших когда-то важные государственные должности, но более всего – с цензом, который стал определителем знатности. Есть у тебя недостаток – уважаемый гражданин. Нет – проси хлеба и зрелищ.

Но даже сказочное богатство не могло ввести плебея в ранг патриция. И потому Лукулл в свое время женился на дочке одного из Клавдиев. Ее звали Клодией, и поскольку она была старшей из трех сестер, именовали Примой. Та еще была сучка!

Пока Лукулл воевал с Митридатом и Тиграном, она переспала чуть ли не со всем сенатом. Рим, как всегда, полнился слухами, но гордого Лукулла эти слухи не интересовали. Правда, по возвращению из Армении ему пришлось развестись с неверной женой, ибо над ним стал потешаться весь город.

Лукулл тут же снова женился. В этот раз на сводной сестре Катона Сервилиии-младшей. Но Рим потешаться не перестал, поскольку Сервилия оказалась такой же шлюхой, как и Клодия. Не повезло Лукуллу с семейными ценностями!

В отличие от Лукулла Красс плевать хотел на патрициев, всадников, плебеев и всех прочих обитателей Рима. Он был женат всего один раз. И то – не по любви, а по обычаю. И женой Марка была вдова его старшего брата Публия, умершего от болезни. Положено обычаем взять в жены вдову брата – Марк тут как тут. Тем более, что вдова ему нравилась. Ни о нем, ни о его жене народ сильно не болтал, так как почти не имел к тому оснований. Марк и Тертулла жили дружно.

Правда, лет двадцать назад по Риму ходили слухи, будто пока Красс восемь месяцев прятался от солдат Мария в одной из пещер Испании, Тертулла духовно сблизилась с неким Аксием, и что именно от философской близости появился на свет первый сын Красса, названный Марком в честь него самого. Но слухи быстро забылись, а лицо сына, так похожее на физиономию этого духовно одаренного Аксиа, – совсем не доказательство. Мало ли на кого похож ребенок? Он ни в чем не виноват, потому что внешностью любого человека распоряжаются боги. И больше никто!

– Возможно, – не стал спорить Красс. – Но что же в этом паштете такого необычного?

– А то, что на него пошло три тысячи соловьиных язычков! – заявил Лукулл.

– Только язычков? – удивился Марк.

– Да! – с гордостью кивнул головой Лукулл.

– И все язычки влезли в эту чашу?

– Нет. Еще осталось. Здесь всего фунт. А в целом получилось четыре фунта, но вчера на пиру бóльшую часть сожрали.

– А тушки птиц куда?

– Пожарили и подали к столу под сливовым соусом.

– Где ты столько соловьев набрал?

– У меня в Кампании на виллах их специально разводят, – Лукулл явно гордился сказанным. – И еще дроздов, мясо которых помогает излечивать множество болезней.

Красс, вздохнув, спросил:

– И не надоело тебе кормить соловьиными язычками бездельников?

– Не надоело, – ответил Лукулл. – Для чего нужно богатство? Для того чтобы оно кормило людей. Я еще библиотеку открыл. Бесплатную. Пусть плебс читает и набирается знаний, кои являются пищей для ума.

– Всех не накормишь, – заметил Красс. – Если кормить всех, сам сдохнешь от голода.

– Ну, я не до такой степени альтруист, – рассмеялся Лукулл. – Я альтруист, пока хватает мне.

– А я вообще к альтруизму никакого отношения не имею, – сказал Красс.

– Да?! – деланно удивился Лукулл. – Зачем же ты тогда выступаешь поручителем перед кредиторами Гая Юлия Цезаря? Что, перспективного политика к своим загребущим рукам прибрать хочешь? Или учуял в нем родственную душу стяжателя? А взять моего бывшего шурина Клодия, мерзавца редкостного?! Почему ты его деньгами снабжаешь?

– Я вообще-то зашел к тебе не за тем, чтобы обсуждать римские слухи, – перебил Лукулла Красс. – Я зашел к тебе по делу.

– Ну-ну, – с ехидством сказал Лукулл. – Говори.

– Ты слышал, что хочет Помпей от Сената?

И здесь случилось именно то, чего ожидал Красс. Лукулла накрыло!

Толстяк вскочил и принялся орать.

– Этот выскочка, укравший у меня победу?! После семи лет, проведенных в сражениях, после того, как я разгромил Митридата во всех битвах, после того, как я разорвал в клочья войска митридатова зятя Тиграна и срыл его столицу, после приезда сенатской комиссии по утверждению новой римской провинции... И что?! Меня отзывают в Рим, а легионы доверяют Помпею! Митридат бегает, как загнанная лошадь (вот-вот откинет копыта и протухнет), Тиграна раздирают парфяне, а Помпей победитель? А я тогда кто?! Три года я не мог добиться триумфа. Но все-таки добился! А теперь? Помпею назначен триумф. За что? За победу в Третьей Митридатовой войне. За какую победу? За мою!

Лукулл схватил золотую чашу с недоеденным паштетом и резким движением руки вышвырнул ее из беседки.

– Ах! – картинно испугался Красс. – Зачем же так разбрасываться деликатесами? Помпею от такого жеста хуже не станет, а бедные соловьи будут проклинять тебя даже в царстве Плутона.

– Плевать я хотел на соловьев! – сказал Лукулл и присосался к чаше с вином.

Напившись, он уселся в свое кресло и спокойно заметил:

– Дело не в соловьях. У меня их – сколько хочешь. А вот Помпей – выскочка! Да еще хочет, чтобы все его распоряжения в Азии остались в силе и были узаконены. И земли для ветеранов требует! Кому земля? Предателям, устроившим бунт против меня? Эти мерзавцы, отягощенные трофеями, отказались повиноваться мне и идти дальше! А Помпей, принявший от меня командование взбунтовавшимися легионами, вместо того чтобы покарать зачинщиков бунта, посюсюкал с ними, дал им еще золота и спустил все на тормозах. И этим детям лупанария землю?! Вот что они получают!

Лукулл, свирепо тараща глаза, показал Крассу неприличный жест гомосексуальной направленности.

– И Помпей получит то же самое! – он показал жест повторно, причем сделал это двумя руками, считая, видимо, что так будет выразительней и Красс лучше его поймет.

Марк понял правильно. Он кивнул головой, утверждая доводы Лукулла, и сказал:

– Совершенно с тобой согласен! Помпей всегда приходит на готовенькое. Так было и со мной. Только я разгромил рабское стадо Спартака и принялся развешивать на крестах эту погань вдоль Аппиевой дороги, как появился Помпей. Он выловил какой-то отрядец, сумевший сбежать от справедливого возмездия, добил его и тут же объявил себя победителем! Пятьсот израненных и загнанных рабов, видите ли, оказались опасностью, которую Помпей и ликвидировал! Из-за этого я не получил права на триумф, а был ограничен всего лишь овацией!

Лукулл, одобрительно кивавший головой, услышав последние слова Красса, встрепенулся и поправил:

– Триумф тебе не дали потому, что восстание рабов не считается внешней угрозой Риму.

Он с достоинством выпрямился в кресле, надулся как индюк, и расправил свою тогу таким образом, чтобы Марку лучше был виден орнамент. Все его существо кричало: «Ты ни разу в жизни не был удостоен триумфа! А я – триумфатор! Триумф ни за какие деньги не купишь! Сюда гляди, засранец! Грызи свое золото и завидуй!»

Красса передернуло от злости, но он сдержался и продолжил спокойно:

– Дело не в этом. Если Сенат утвердит требования Помпея, последний получит слишком много власти. А это опасно для республики. Предлагаю сброситься деньгами и подкупить сенаторов. С Катонем и Метеллом Целером я уже договорился и они в доле. Если к нам присоединишься ты, мы все существенно сэкономим.

Лукулл сдулся, согласно кивнул головой и сказал:

– Я участвую. Но предупреждаю: этой животной скотине Клодию я не дам ни одного асса! Плати ему сам!

– Он же сейчас на Сицилии квестором!

– Как бы не так! Он числится. А торчит здесь. И продолжает баламутить плебс.

Марк, улынувшись, задумался, и в голове его быстро пронеслась разудалая история семейства Клавдиев...

Семейка Клавдиев была совсем не богата. Более того – ей грозил вылет из сенаторского сословия в связи с уменьшающимся благосостоянием. И в данном случае патрицианское величие не играло никакой роли. Родов в Риме – сотни. А мест в Сенате хватает не всем. Желающих – сколько угодно.

Главой семейства был Аппий Клавдий Пульхр. И родились у него три сына и три дочери. Если сыновей он назвал согласно традиции Аппием, Гаем и Публием, то на дочерей у него фантазии уже не хватило. И потому все три стали именоваться Клодиями.

Но чтобы не вышло путаницы, хитрый папаша присовокупил к имени каждой из них прозвища. Таким образом, старшая Клодия стала Примой, средняя Секундой, а младшая, соответственно, Терцией.

К тому времени, когда в семье Клавдиев пронзительный свист ценза стал ощущаться не только мозгами всех ее членов, но уже и ушами, дочери подросли и стали тем товаром, который смог отвернуть трубящий рог бедности от дверей фамильного особняка патрициев и направить его в другое место: туда, где не было таких красивых и родовитых сучек.

Клодия Прима вышла замуж за Лукулла, которому благоволил диктатор Сулла Счастливый. Клодия Секунда выскочила за Квинта Марция Рекса, а Клодия Терция – за Метелла Целера.

Лукулл отправился воевать с Митридатом, Марций получил в наместничество Киликию и отбыл туда в роли проконсула, а Целер с тремя приданными ему легионами ушел в Цизальпинскую Галлию.

Три сестры принялись жить!

Прима, жена Лукулла, переспала с третью Сената, Секунда сделала то же самое со второй третью и добавила к этому некоторое количество магистратов (должностных лиц помельче). Третья же (самая в этом плане талантливая), Терция – начала с оставшихся от сестер сенаторов, продолжила магистратами и на закуску переключилась на плебс, разбавляя его особо привлекательными рабами. Причем таланты Терции в еще большей степени проявились в открытом пьянстве и азартных играх.

Когда Метелл Целер, муж Терции, осознал, что его состояние стало вдруг таять со скоростью падающего в альпийскую пропасть карфагенского слона, он быстренько перекрыл денежный кран, резко ограничив в расходах свою веселую супругу. Но она не сдалась! Терция принялась брать со своих любовников деньгами!

В один прекрасный день кто-то из ее постоянных возлюбленных передал через раба туго набитый кошель, в котором вместо серебра оказались самые мелкие медные монеты, называемые квадрантами. Мало того, возлюбленный трепанул об этом языком. И не где-нибудь, а на портике!

С тех пор Клодия прекратила быть Терцией. Имя ее стало – Квадрантария! Ну, а мужа, соответственно, принялись обзывать Квадрантарием. Правда, в глаза ему этого не говорили, но за спиной посмеивались, отчего Целер в общественных местах теперь находился, будучи в состоянии еле сдерживаемой ярости.

И это было не все. Как оказалось, братец трех сестер Публий Клавдий Пульхр настолько сильно любил своих родственниц, что спал с ними по очереди, время от времени отдавая предпочтение Терции, которую, кстати, именно он и растлил!

Но тогда, когда Лукулл отправлялся на войну, он об этом еще не знал, как, впрочем, и остальные счастливые мужья клавдиевых дочек.

А что же сыновья? Тоже веселая компания!

Средний, которого звали Гаем, оказался наиболее приличным из них. Он решил делать карьеру сам и постепенно добился должности эдила. Далее он кропотливо поднимался по служебной лестнице и не был замешан в скандалах, окружавших остальное семейство плотным шлейфом позорной копоты.

Старший – Аппий Клавдий Пульхр – был спесив как индюк, горд не по цензу, но какая-то часть мозгов в голове у него все-таки присутствовала, и потому с ним можно было иметь дело и даже доверять ему кое-какую государственную службу. Но при этом необходимо было держать его на коротком поводке, чтобы он ненароком не сорвался и не ускакал в дебри превышения данной ему власти.

А вот младший!

Публий Клавдий Пульхр был тщеславен, горд, спесив, амбициозен, жаден, хитер, коварен, порочен и так далее – до бесконечности. Обладая тщедушным телом и далеко не мощным разумом, он знал, что его порочность в отношениях с сестрами осуждаема обществом и потому он никогда любимцем аристократии не станет. Но славы и богатства хотелось сильно. Что может помочь человеку получить желаемое? Только война! А вот и зять Лукулл под боком. Зачем самому с карьерой трудиться, если можно использовать родственные связи?

На войну с Митридатом вместе с Лукуллом отправились оба: Аппий и Публий. Только последний попросил теперь называть его Клодием. Ему так больше нравилось, а окружающие на это чихать хотели. Всем было даже удобнее, потому что Клавдиев развелось – ступить некуда.

Оба братца думали, будто зять сразу же назначит их легатами, но Лукулл, побеседовав с ними на военные темы, решил, что пока делать этого не стоит. На вопрос, когда это «пока» закончится, Лукулл ответил: «Для Клодия – никогда, а для Аппия – видно будет». И понеслась череда военных будней.

Лукулл определил обоих братьев при штабе, где они должны были присматриваться к действиям окружения и выполнять всякие поручения, главным образом касающиеся связи между легионами. Короче – быть на побегушках.

Аппий отнесся к работе серьезно, и спустя некоторое время стало понятно, что он не безнадобен. Зато Клодий без толку совался во все нужные и ненужные места, за что периодически получал от своего зятя по шее. А тем временем умница Лукулл занимался делом!

Он брал города и крепости, разбивал превосходящие численностью войска Митридата и не знал поражений. Обладая колоссальным стратегическим чутьем, Лукулл медлил, где надо, и стремительно атаковал – опять-таки – где надо. В результате Митридат лишился всех своих войск и сбежал в Армению к царю Тиграну, который был женат на его дочери Клеопатре.

Лукулл доложил в Рим о полной победе и потребовал направить в завоеванные земли сенатскую комиссию для организации новой римской провинции. Дело оставалось за малым: послать к Тиграну человека с требованием выдать Митридата.

Тигран не хотел ссориться с Римом и потому запер своего тестя в облупленном старом сарае, находившемся в каком-то захолустном селении. При надлежащем ораторском умении можно было забрать у Тиграна бывшего понтийского царя, и тогда последний стал бы главным украшением триумфа в момент вступления Лукулла в Рим. А можно было заключить с армянским царем союз против Парфии, что тоже устраивало римского полководца.

В последнем варианте было уже не важно, что Тигран сделает со своим тестем: задушит, прирежет или утопит. Триумф в таком случае все равно состоится, и Лукулл будет достойно вознагражден.

И вот посол прибыл! Им оказался Аппий.

Тигран до этого времени никогда не встречался с римской военной машиной. Все его успехи были связаны с войнами в Азии, где у Армении на тот момент не было сильных противников. Империя Селевкидов давным-давно пришла в упадок, Парфию раздирали междоусобицы, а до Египта армянский царь пока еще не успел добраться ввиду большого до него расстояния.

Схватив то, что плохо лежало, он сколотил довольно большое государство, и даже парфяне отдали ему титул «Царя царей» (чтобы не мешал заниматься гражданской резней и не лез далеко на юго-восток). А империя его тестя Митридата развалилась под ударами Рима.

Теперь Тигран сжился с мыслью, что он действительно Царь царей, и все территории вокруг него – законные армянские владения. Вдруг перед ним предстал какой-то тощий дрищ в убогом офицерском плаще, покрытом пылью, и заявил, что вот он, Аппий Клавдий Пульхр, римский патриций и посол Луция Лициния Лукулла, требует (ТРЕБУЕТ У ЦАРЯ ЦАРЕЙ!!!) немедленной и безоговорочной выдачи врага римского народа Митридата Евпатора.

Тигран запустил золотой винной чашей в ближайшего к нему придворного, стоявшего у трона, и приказал вышвырнуть «великого дипломата» Аппия вон. Через несколько минут он, правда, пришел в себя, и послал Аппию дары, но последний ничего не взял из кучи золотых изделий, зато забрал у одного из слуг какую-то серебряную сиротскую чашу для питья, заявив при этом, что римского патриция нипочем не купишь!

Посол ускакал не солоно хлебавши, а Тигран приказал вытащить за уши из сарая своего тестя Митридата и немедленно доставить его во дворец. Тесть с зятем тут же выпили, закусили и Митридат заявил Тиграну, что победить римлян – раз плюнуть. А у самого понтийского царя не получилось это сделать потому, что понтийские греки – дерьмовые воины. Зато у Тиграна бойцы – высший класс! Потому что армяне.

Очень скоро Лукулл узнал, что с победными репликациями он сильно поторопился, так как бойкие армяне вышибли несколько римских гарнизонов из приграничных крепостей. Воевать предстояло снова, в связи с чем решено было Аппия с посольскими миссиями больше никуда не посылать. Сначала Лукулл сильно сердился, но, вспомнив о Клодии, представил себе младшего шурина в роли посла, и у него тут же волосы на голове встали дыбом! Он с радостью понял – в мире все не так уж плохо.

А плохо наступило потом, но еще до этого Лукулл двинул легионы на Тиграна. Разгромив попавшиеся под руку мелкие соединения, римляне осадили Тигранакерт. Тот, чьим именем был назван город, еле успел сбежать.

Царь царей собрал войско и сунулся спасать столицу. Лукулл оставил шесть тысяч солдат осаждать главную армянскую резиденцию, а сам с десятитысячным отрядом отправился навстречу Тиграну. Когда римляне оказались у реки, за которой стоял лагерь царя, разведка донесла, что армян минимум в пять раз больше, и они имеют в составе своего войска тяжелую кавалерию.

Лукулл, плюнув на все, стремительно перешел реку вброд и двинул свои бесстрашные когорты в бой. Армяне, выстроившиеся для битвы, совсем не ожидали такой прыти и наглости. Видимо, они почувствовали в безрассудных действиях римлян какой-то подвох и, наверное, именно поэтому их тяжелая кавалерия, развернувшись, растоптала свою же пехоту и дала стрекача. Драпали все – как зайцы от пожара!

Пехота, ругаясь черными словами, тут же побежала за кавалерией, ну а последним припустил Царь всех на свете царей Тигран, которому ничего больше не оставалось делать, кроме как самому спасать свое величество. Римляне попытались догнать хотя бы хромых, но все армяне были здоровы и бегали значительно быстрее легионеров, а Тигран оказался их чемпионом.

Ставив с головы шлем, Лукулл с огорчением заявил Аппию, стоявшему рядом:

– Знал бы, что передо мной такой сброд, вообще б никуда от Тигранокерты не ходил.

– Здесь бы и моего братца Клодия в роли легата хватило, – сказал Аппий.

– Ну, нет! – подскочил от ужаса на месте Лукулл. – Если б командовал он, легионы при переправе снесла бы река!

Так война дальше и продолжалась. Лукулл взял столицу и принялся привычно гоняться по горам, только теперь уже не за одним царем, а за парочкой. Последние же бегали туда-сюда, применяя извечный хитрый прием разделения следа на два направления. Тем временем парфяне перерезали нужное количество соплеменников, мешавших жить дружно, объединились вокруг одного правителя и вдруг вспомнили, что титул «Царя царей» они одолжили армянам. Решив вернуть свое законное имущество, парфяне прогулочным шагом вторглись в одну из провинций Тиграна.

Но Лукулл уже считал всю Армению римской! Даром воевал, что ли? И вообще, выхватывать куски пирога изо рта голодного человека – нецивилизованное хамство! Римский полководец решил между делом (ловлей Митридата и Тиграна) вразумить парфян, не имевших никакого понятия о культурном решении территориальных вопросов, и отдал приказ развернуть легионы на юго-восток. В процессе похода предстояло взять еще одну армянскую столицу, которых было ровно три по причине запасливости Тиграна. Душа Лукулла запела в предвкушении настоящей драки! Но не тут-то было!

За время существования при штабе Лукулла в роли «принеси – подай, брысь отсюда – не мешай» Клодий пришел к одному очень важному выводу: «Если не можешь достичь значимого положения среди людей своего круга – опустишь ниже и попробуй там». Потрепав языком с простыми легионерами, он добавил к первому выводу второй: «Для приобретения любви и уважения необходимо обращаться по тому же адресу». И вот здесь он, наконец, нашел себя!

Гай Марий был любим солдатами. Лукулл нет. В отличие от Мария, копавшего вместе с легионерами рвы и таскавшим на себе поклажу во время маршей, Лукулл знал себе цену.

Он не якшался с солдатами и требовал от них неукоснительного подчинения, наведя в войске суровую дисциплину. Возможно, именно из-за этого он не знал поражений.

Легионеры все понимали и потому чуть ли не вприпрыжку скакали в любую намечавшуюся битву, поскольку с непобедимым полководцем самая мелкая заварушка оборачивалась хорошей добычей. Зато в тяжелых горных походах и во время вынужденного простоя в лагерях костерили Лукулла, на чем свет стоит. А здесь октябрь выдался снежным и холодные горы Армении совсем не походили на райскую страну. Легионеры зароптали, ну а когда узнали, что Лукулл собрался погнать их в какую-то далекую Парфию, стали собираться кучками и орать нехорошие слова. Вот тут-то и подоспел Клодий!

– Какая Парфия? – говорил он солдатам. – Вы уже много лет воюете, и все на одном месте! Да еще в такой холодной дыре. Мне кажется – у Лукулла помешательство! Он совсем сбрендил. Его жестокость не знает границ! Гнать уставших ветеранов на другой конец света! И все ради чего? Чтобы нажиться самому! Разве мало он награбил в походах золота? Посмотрите на его верблюдов, нагруженных доверху. Они от тяжести уже идти не могут. А ему все мало! Я слышал – Сенат решил вместо Лукулла назначить командующим армией Помпея...

Он объявил себя «Другом легионеров» и стал подбивать солдат к откровенному бунту, что и случилось в итоге. Легионы отказались повиноваться, а Клодий, которого солдаты выбрали представителем своих интересов, пришел к Лукуллу и заявил, что армия останется во временном лагере всю зиму. А дальше – видно будет.

Лукулл, спокойно выслушав Клодия, сказал:

– Хорошо, – и скрылся в своей палатке.

Ночью верные Лукуллу трибуны вытащили из одеяла сладко спавшего Клодия, забили ему рот кляпом и вывезли «Друга легионеров» из лагеря. В четырех стадиях от лагерного вала всю эту компанию ждал полководец. Он дал знак, Клодия освободили от пут и взгромоздили на лошадь. Подъехавший ближе Лукулл выдал Клодию душевную затрепину (отчего кляп сам вывалился у того изо рта) и сказал:

– Властью проконсула, данной мне Римом, я мог бы казнить тебя. Но ты мой шурин. Поэтому я просто изгоняю тебя. Скачи куда хочешь, но помни: вернешься в лагерь – сдеру с тебя шкуру и сделаю из нее походный барабан.

– А где моя доля добычи за всю войну? – поинтересовался Клодий.

Видимо, Лукулл был готов к такому вопросу.

– За всю войну ты ни разу меча в руке не держал, – ответил он. – Но, учитывая твои заслуги, я даю вот это.

И он сунул в руки Клодию сиротскую чашу, добытую у армян его братом Аппием.

– Как раз по твоим заслугам, – добавил Лукулл и захохотал.

Клодий швырнул чашу на землю, развернул лошадь и пустил ее шагом, собираясь с достоинством начать путь. Но трибуны не позволили ему этого сделать. Подскочив сзади, они принялись лупить по крупу клодиевой лошади древками пилумов, отчего несчастное животное, истерически ржанув, припустило галопом. Трибуны, не отставая, помчались следом, нещадно колота зад и бока кобылы, периодически прикладываясь и к спине наездника.

Дикая скачка продолжалась четверть лиги. Клодий, вцепившись в седло и гриву руками, ногами и даже зубами, из последних сил пытался удержаться на лошади, и это ему удалось, так как трибуны не собирались гнать «Друга легионеров» до самого Рима. Они, наконец, отстали и вернулись в лагерь, весело вспоминая погоню, а Клодий вздохнул свободнее, потому что кобыла, заплетаясь ногами, снова перешла на шаг.

Через некоторое время Клодий обнаружился в Киликии. В пути с ним ничего не случилось, и этот факт подтвердил древнюю мудрость всех времен и народов, что дерьмо не тонет. Он заявился к наместнику Киликии Квинту Марциу Рексу и рассказал тому, что покинул лагерь Лукулла сам, так как решил вернуться в Рим, дабы избраться на должность народного

трибуна. Далее Клодий сообщил Марцию, что особо в Рим не торопится, и потому готов занять какой-либо пост у него в провинции. Так сказать – для получения опыта управления магистратурой.

Поскольку он приходился шурином Марцию, женатому на его сестре Клодии Секунде, наместник решил воспользоваться военным опытом Клодия (человек все-таки участвовал в битвах под руководством Лукулла, что, по мнению Марция, предполагало владение нужным знанием и умением). На руку Клодию сыграло отсутствие вестей от Лукулла, и потому он был назначен начальником береговой охраны.

В то время пираты были настоящим бедствием для всего Средиземноморья. Они собирались в огромные эскадры и грабили на море и на суше. Все прибрежные территории страдали от ненасытных шаек. У пиратов были даже свои базы, где они отдыхали от тяжелого разбойничьего труда и набирались сил для новых нападений.

Случалось, что некоторые города лишались подвоза продовольствия, и тогда организовывались кампании по борьбе с пиратством. Но мероприятия эти не давали ошутимого эффекта и лишь на короткое время облегчали мореходство. В Риме поговаривали, что с пиратством может справиться только Помпей – тем более, что один раз он уже этим занимался. Но сейчас, по убеждению сенаторов, Помпей был нужен в Армении. Лукулл был обвинен в намеренном затягивании войны и получил приказ передать командование армией своему сопернику.

Поэтому пираты, посмеиваясь, продолжали грабить всех подряд, не смотря ни на какие политические, экономические и прочие вздорные обстоятельства, мешающие беспардонному обогащению.

Клодий решил взять быка за рога. Он надумал организовать засаду и уничтожить всех местных пиратов разом. В его подчинении находилось четыре корабля (одна трирема и три биремы), с которыми он затаился в проходе между двумя островами, часто посещаемыми разбойниками для набора пресной воды.

Заметив в проливе паруса, он вывел свои корабли в бой и нарвался на целую пиратскую эскадру, состоявшую из нескольких десятков судов. Пираты выходили на промысел, управляя либурнами и униремами. Эти суда были небольшими, но зато имели потрясающую скорость хода, и – самое главное – их было много!

Опытные триерархи римских бирем тут же дали деру, а центурион триремы, на которой находился «Друг легионеров», немного замешкался, выполняя нелепые и бестолковые приказы Клодия. В результате весь экипаж трехпалубного римского корабля был быстро и профессионально захвачен в плен.

Пираты были людьми шустрыми и «продвинутыми» во всех отношениях. Если в Риме большинство сенаторов писали на церах (деревянных табличках, покрытых воском), то у морских разбойников давным-давно был в ходу дорогой египетский папирус. Агенты грабителей под видом купцов сидели во всех крупных городах Средиземноморья, снабжая своих начальников сведениями, и одновременно являясь посредниками в торговле людьми. Ведь по морям плавали разные корабли, на которых находились торговцы, ремесленники, переселенцы, военные, ученые. Но попадались среди них дети царей, патриции и прочая знать. Вот где можно было нажать, как следует! Потому что дети царей – самая дорогая штука на свете.

Марций, к которому уже дошли сведения о проделках своего нынешнего начальника береговой охраны в лагере Лукулла, выкупил у пиратов весь экипаж триремы за счет казны (сам корабль, естественно, вернуть не удалось, потому что он и пиратам сгодился). А по поводу Клодия заявил: «Пусть его сестры-шлюхи выкупают!» Клодию пришлось задуматься. И тогда он вспомнил об истории, случившейся с Юлием Цезарем.

Цезарь, будучи юношей, тоже был захвачен пиратами. Они потребовали за него выкуп в двадцать талантов, на что молодой аристократ заявил: «Я не стою так мало! За меня надо требовать пятьдесят! Но предупреждаю: выловлю всех и распну». Пираты, ясное дело, обрадо-

вались и затребовали пятьдесят. И получили. Цезарь потом организовал экспедицию, выловил всех разбойников, участвовавших в этом деле, и полностью выполнил свое обещание.

Клодий, заявив, что его род Клавдиев в знатности ни в чем не уступает роду Юлиев, тоже хотел было потребовать, чтобы его продали за пятьдесят талантов, но вовремя вспомнил о финансовых проблемах своей семьи и заявил, что двадцать талантов готов дать хоть сейчас. Вот только надо за ними съездить.

Пираты, осмотрев его с головы до ног, качали головами и сильно сомневались.

– Может, хоть десять талантов за тебя дадут? – задумчиво спрашивал главный пират.

– Сказал двадцать – значит, двадцать! – бил кулаком по столу Клодий, которому из жалости к его бледному тщедушию налили здоровенный кубок хорошего вина.

– Хорошо! – согласился главный пират, уступая такой настойчивости.

Теперь оставалось где-то достать эти двадцать талантов.

Писать Лукуллу насчет выкупа было бесполезно по понятным причинам, а в Риме денег можно было взять только у сестер. Но, по слухам, сестры сами испытывали трудности с финансами, так как их мужья, оповещенные доброжелателями, коих всегда много в любом обществе, существенно прикрутили им расходные краны. И здесь Клодий вдруг вспомнил о Египте!

Лукулл рассказывал ему, как во время Первой Митридатовой войны он по заданию Суллы Счастливого плавал с посольской миссией в Египет для привлечения царя Птолемея на сторону Рима. В политическом плане Лукулл тогда не получил ничего, кроме дырки от бублика, так как Птолемей не хотел ссориться ни с Римом, ни с Митридатом, но зато встречали там римского посланника сказочно.

По словам Лукулла, царь Египта стал его лучшим другом, готовым на все, лишь бы угодить столь достопамятному военачальнику. Он даже подарил Лукуллу огромный алмаз, который последний из скромности не хотел сначала брать, но потом взял, не желая обидеть своего нового друга-царя. Кстати, алмаз действительно был большим и Клодий не раз держал его в руках, наслаждаясь игрой света в гранях камня. Поэтому Клодий составил хитрое письмо.

Водя стилем по воску церы (от папируса Клодий отказался, так как побоялся с непривычки испортить дорогой материал), он написал, что приходится лучшим другом и родственником Лукуллу, столь ценимому в Египте, и потому просит выкупить его из пиратского плена за двадцать талантов, которые обязуется вернуть, как только освободится. Еще Клодий написал, что обращается к Птолемею только потому, что Лукулл сейчас находится далеко, а Египет – совсем рядом, пару дней пути кораблем.

Письмо было отправлено пиратскими каналами, которые были самыми быстрыми распространителями любой информации. И Птолемей это письмо получил. Прочитав его, он долго смеялся.

В то время у Египта с Римом были самые тесные отношения. Каждый царь понимал, что в скором времени независимость этого африканского государства закончится. И любой из правителей пытался оттянуть момент сего исторического события как можно дальше от времени своего правления. Потому цари Египта о Риме знали все. В том числе и о значимых родах патрициев и плебеев.

Справившись у своих советников, Птолемей узнал, что Клодий – просто прыщ на огромной заднице нильского крокодила. Поэтому царь Египта решил помочь бедному патрицию. Но Птолемей всегда славился своим чувством юмора!

В день, когда пришла посылка из Египта, небо хмурилось тучами и дул резкий ветер. Клодий вышел на палубу либурна, где его держали, дожидаясь выкупа. Команда корабля тоже высыпала наверх и расселась по бортикам над портами, из которых торчали весла.

Торговец, доставивший выкуп, легко перебрался из своей юркой униремы, прижатой к борту пиратского судна. За ним следом спрыгнул дюжий раб с мешком. В мешке оказалось ровно два таланта серебра.

Из письма царя Египта, зачитанного громогласно, следовало, что Клодий – неуч. Он не держал руку на пульсе истории и потому не знал, что время в Египте исчисляется не годами и часами, а Птолемеями. И тот Птолемей, что помнил Лукулла, уже давно обнимается с Анубисом. А нынешний Птолемей, написавший это послание, отстоит от вышеназванного на целых два Птолеменя. А если точнее – на два с половиной, потому что с Лукуллом пьянствовал Птолемей Девятый, царствовавший некоторое время после Птолеменя Десятого. А сейчас на троне находится Птолемей Двенадцатый, который понимает всю нужду Клодия Клавдия, но посылает ему серебра ровно столько, сколько он стоит! И пусть скажет спасибо, что послано именно серебро, а не медь. В конце папируса было написано следующее: долг можно не возвращать.

Пираты не смеялись. Они ржали, икая от гогота! Некоторые даже попадали за борт, чтобы охладиться. А главный пират хохотом разодрал себе всю глотку и потому сильно хрипел, когда отпускал Клодия на берег.

– Смотри, Клодий, – сипел он напутственно, – даже не думай о мести. Мы согласились на двадцать талантов, а получили всего два, да и то серебром. Ты за нас молиться должен!

– Я помолюсь! – обещал Клодий, сгорая от унижения.

Через некоторое время непутевый отпрыск Клавдиев появился в Риме, где принялся всем вдохновенно врать о том, как он геройски воевал на суше и на море. Но один грек, бывший в плену вместе с ним и освобожденный немного позже, рассказал о двух талантах. И началось!

По Риму пополз слух, что Клодий вынужден был отрабатывать недостающие восемнадцать талантов выкупа своей задней нижней частью туловища. И потому его начали обзывать жертвой анального рабства, а кое-кто даже предложил ввести в республике новое почетное звание – «Друг пиратов». Рим веселился! Но Клодий не сдавался. Он оказался втянутым во все политические склоки и стал центром огромного количества скандалов. А как же женщины? Без них не обошлось.

Сначала Клодий возобновил прежние отношения со всеми тремя сестрами, отдавая, как и всегда, предпочтение Терции-Квадрантарии, а потом переключился на чужих жен. Какие только слухи не ходили о нем!

Но Помпее, жене Юлия Цезаря, на слухи было плевать. Муж находился в Галлии, где воевал для Рима. А здесь ее хотели! И кто? Клодий, который прошел через войну, пиратов, кучу свинских скандалов, ну и так далее, короче – настоящий мужчина! Вот он, покоритель женских сердец. И у них получилось!..

– Ты заснул? – поинтересовался Лукулл.

– Нет, – ответил Красс, приходя в себя. – Клодий, конечно, тот еще фрукт!

– Еще бы! – вскричал Лукулл. – Он общается с чернью. Он выступает против Цицерона! Более того, он захотел выйти из патрицианства! Ты слышал? Клодий желает стать плебеем! Это невообразимо! Род Кассиев был в свое время переведен из патрициев в плебеи. За что? За то что один из Кассиев пытался захватить власть. И это понятно. Но чтобы патриций желал стать плебеем просто так? Дурак этот Клодий!

– Согласен с тобой полностью, – сказал Красс.

– Зачем же ты тогда платишь ему?

– У тебя неверная информация, – сказал Марк, улыбаясь. – Я с ним не знаюсь.

На самом деле он давным-давно использовал Клодия в своих целях, щедро оплачивая его мерзкую языкатую деятельность. Бывший «Друг легионеров и пиратов» теперь стал «Другом народа» и пользовался большим почетом у плебса. Продвигая популистские идеи, Клодий находил уважение и любовь среди низших слоев римского общества.

И вот Цицерон, вечно совавший Крассу палки в колеса, оказался под прицельным огнем беспринципного Клодия. Еще немного и можно будет согнать этого вредного словоблуда с сенатского ораторского места! Марк давно ждал этого момента. Но сейчас дело было совсем

в другом. Законы, которые хотел утвердить через сенат Помпей, мешали обогащению Красса, участвующего в разграблении провинций через сообщества публиканов.

Поэтому Красс обговорил с Лукуллом необходимую сумму взятки сенаторам, и обрадовался взаимопониманию, царящему в отношениях с тем, кто был ему врагом. Поистине – денежные интересы сближают любых недругов!

– Ну что же, можно считать, что мы договорились, – сказал Лукулл. – Это все, что ты хотел?

– Почти, – ответил Красс. – Я слышал, у тебя на Авентине сгорело одно из доходных строений. Дело в том, что соседние с ним дома принадлежат мне. Не продашь ли ты горелое место?

– Ага, – кивнул головой Лукулл. – Так я и знал!

– О чем ты знал? – ненатурально удивился Красс.

– Говорили мне люди, что Марк Красс организовал в Риме какие-то пожарные команды. Ну, думаю, благодать напала на римлян! Неужели Красс решил сделать доброе дело? Сомнения меня, конечно, терзали, потому что всякому на свете известно: Красс – всем барыгам барыга и каждому хапуге хапуга! Но я филантроп и верю в людей. И вот – случилась у меня беда. Загорелся доходный дом! Из дома высыпали жильцы и побежали с кувшинами к Тибру, который течет внизу холма. И здесь, откуда ни возьмись, появляется на улице банда рабов численностью в пятьдесят человек. У них в руках ведра, багры и лестницы, а с ними несколько повозок, в которых стоят большие бочки, наполненные водой. Хвала Юпитеру! Сейчас будет спасено имущество римского гражданина! И что было дальше?

– И что же было дальше? – с язвительной усмешкой на губах переспросил Красс.

– А дальше было вот что! – Лукулл показал Крассу неприличный жест, полный гомосексуальной обреченности. – Из кучи этих рабов выскочил юркий языкатый вольноотпущенник с сумкой на шее и подбежал к управляющему домом. Достав из сумки церу, он протянул управляющему стиль и предложил последнему срочно написать расписку о продаже горящего объекта собственности за четверть его цены! Управляющий заявил, что дом ему не принадлежит и потому продать его он никак не может. Тогда хитрозадый вольноотпущенник предложил уплатить ему пятьсот сестерциев серебром за тушение пожара. У моего управляющего таких денег не было и вольноотпущенник, отстав от него, побежал по соседним домам, предлагая их хозяевам срочно продавать здания, а то, дескать, пламя перекинется на них. Тем временем люди, возвратившиеся с реки, держа в руках кувшины, пытались потушить пожар, но огонь уже бушевал со страшной силой. А рабы пожарной команды преспокойно сидели в повозках и ковыряли в носах пальцами. Когда жильцы попытались набрать воды из бочек, рабы отогнали их палками!

– Правда? – удивился Красс. – Вот негодяи! И что же было дальше?

– А дальше дом сгорел! – проорал Лукулл. – А соседние дома, на которые стал перекидываться огонь, были благополучно потушены рабами, поскольку их хозяева либо успели продать их, либо заплатили по пятьсот сестерциев за тушение пожара!

Лукулл, захлебнувшись гневом, схватил со стола кувшин с вином и присосался губами к его горлышку. Напившись, он грохнул кувшином по столу.

– И это пожарная команда?! – спросил он, затихая постепенно. – А вольноотпущенник?! Жулик! Причем жулик не простой, а скоростной... Он, скорее всего, учился на юриста в одной из твоих ремесленных школ.

– У меня хорошие школы, – попытался перевести разговор в другое русло Красс. – Ты же покупал у меня рабов, обученных поварскому искусству?

– Да, – приходя в себя после припадка ярости, согласился Лукулл. – Купил парочку. Один из них, кстати, чудесно готовит в печи свиную матку с нерожденными поросятами...

Он задумался на секунду, решив, видимо, тему не менять, и продолжил:

– На следующее утро я осмотрел квартал и узнал, что все соседи продали свои дома тебе. Причем за бесценок, так как они обгорели. А обгорели они очень интересно. С виду – страх! А на самом деле – сильно не пострадали. Надо же, какой профессионализм! Тушить избирательно. Да это уже искусство!

Красс, не выдержав, рассмеялся.

– Смеешься? – поинтересовался Лукулл. – Смейся. Только не забудь своему скоростному вольноотпущеннику награду выдать.

– Выдам, – пообещал Красс. – Так ты продашь мне этот горелый дом?

Лукулл спросил, за какую цену хочет купить горелое место Красс и, узнав сумму, ответил:

– Нет.

– Зря, – сказал Красс. – Там пепелище. Больше, чем я предложил, за это место никто не даст.

– Еще как даст, – не согласился с ним Лукулл. – И дашь именно ты.

– Правда? – голос Красса был полон иронии. – Ты уверен в этом?

– Да. Мой горелый дом сейчас окружен твоими доходными строениями. Я расчищу место и размещу там питомник для лисиц. Их будут лупить по ночам палками, чтобы они верещали и не давали спать твоим постояльцам. И еще будут сдирать с них шкурки, выделывать их в чанах с солью, и вонь от этого промысла заставит сбежать всех жителей твоих новоприобретенных домов.

– И меня ты называешь барыгой? – опять рассмеялся Красс.

Через полчаса они договорились о цене, и выпили по чаше вина. Лукулл, уже порядком захмелевший, вдруг спросил у Красса:

– Послушай, Марк, зачем ты внес в проскрипционные списки моего отца? Ведь я тогда был на той же стороне, что и ты. Ведь я человек Суллы. Как и ты. Зачем?

Видимо, этот вопрос не давал ему покоя более двадцати лет.

Тогда Красс занимался проскрипционными списками, обрекая на казнь сторонников Цинны и Мария. Но достаточно большая часть имущества репрессированных граждан Рима доставалась ему лично, что и составило костяк его нынешнего состояния.

Он включил в проскрипционные списки и отца Лукулла, мудро (или трусливо) не примкнувшего в свое время ни к одной из партий, но Сулла, обнаружив это, надавал Марку по рукам, и лично вычеркнул Лукулла-старшего из списков, поскольку знал, что Лукулл-младший был самым верным его сторонником, и находился в данный момент в Греции, где формировал боеспособный флот.

– Ничего личного, – сухо ответил Красс.

Было видно, что вопрос ему неприятен. Но Лукулл не отстал.

– Не понимаю, – сказал он. – Ты сражаешься в Италии вместе с Суллой. Я держу тыл, направляя для армии продовольствие, пополнение, прикрываю, наконец, вас сзади. И потом мой отец вдруг оказывается врагом народа?

– Моих отца и среднего брата зарезали на портике как баранов, – спокойно сказал Красс. – Наше имущество отобрали. Я восемь месяцев скрывался в одной из иберийских пещер, а потом сражался, находясь в первой легионной линии, желая отомстить за смерть близких мне людей. Твой же отец заперся в своем доме и не примкнул ни к одним, ни к другим. Отселся, одним словом. Вот и все.

– А еще у него было что отобрать, – добавил Лукулл сладким голосом.

– А вот это как раз ни при чем, – сказал Красс.

– Еще как при чем, – не поверил Лукулл.

Он потянулся рукой к столу и придвинул к себе две серебряные чаши, наполненные странными круглыми ягодами темно-рубинового цвета. Одну из чаш он взял себе, а вторую протянул Крассу.

– Что это? – спросил Марк, осторожно принимая чашу.

– Сия ягода называется вишней, – ответил Лукулл. – Я вывез несколько маленьких деревьев из Армении, посадил здесь и вот – урожай. Попробуй, очень вкусно.

И он, зачерпнув горсть ягод, отправил их себе в рот.

Красс осторожно взял пальцами одну ягоду, сунул в губы и сразу же сжал ее зубами. В беседке раздался хруст и Красс, вскрикнув, ухватился рукой за челюсть. Из уголка его рта потекла ярко-красная струйка и тут же, повиснув в воздухе, рассыпалась каплями по серой тунике.

– Што, косточка? – прошамкал полным ртом Лукулл. – Ижвини, жабыл предупредить.

Красс осторожно вынул вишневую кость изо рта и от злости сжал ее пальцами. И здесь случилось нечто. Косточка, как выпущенный пращей снаряд, вдруг выстрелила из руки Красса и со свистом впечаталась в тогу Лукулла как раз в самом центре его большого живота. Богатая одежда триумфатора окрасилась алым цветом.

– Хе! – воскликнул Лукулл, выплевывая изо рта целую горсть косточек. – Клянусь Сатурном, не умеешь ты с вишнями обращаться. Варвар убогий!

С этими словами из пальцев Лукулла принялись вылетать косточки. За несколько секунд Красс получил сполна. Косточки впечатались в оба его глаза, несколько раз щелкнули по носу и даже пару раз врезали по ушам. Будучи опытным полководцем, Марк сразу же понял, что попал в хорошо подготовленную засаду!

Поскольку точность выстрелов противника была потрясающей, Красс догадался, что противоборствующая сторона посвятила тренировкам немалое время. Поэтому он выскочил из кресла и спрятался за его спинкой, не забыв прихватить с собой боеприпасы, то есть миску с вишней.

Набрав полный рот спелых ягод, Красс погонял их как следует, отобрал языком кости, а вкусную мякоть проглотил. Выплюнув в ладонь готовые к употреблению снаряды, он принялся обстреливать ими Лукулла, высовываясь из-за спинки кресла то слева, то справа.

Противник же плевать хотел на оборонные хитрости. Он сидел в кресле, напоминая собой недвижимую каменную крепость, и поглощал вишни со скоростью водоворота. Но самое интересное – он поливал Красса косточками, стреляя из двух рук сразу!

В такой интенсивной битве Марк сначала проигрывал, в основном прячась за спинкой кресла. Но через несколько минут заметил, что белая тога Лукулла стала расплываться красными пятнами.

– Перерыв! – крикнул вдруг Лукулл. – Эй! Агриппий! Вишни! Два ведра!

Видимо, такую битву Лукулл разыгрывал не впервые, потому что на его зов тут же прибежал раб с двумя ведрами в руках. Одно из них он водрузил на стол, а второе поставил за креслом, где прятался Красс, из осторожности не пожелавший вылезти во время перемирия.

– К бою! – проорал Лукулл.

И потеха продолжилась.

Как известно – ведра не чаши. И через несколько полных объедания минут на извлечение косточек противники наложили вето. В результате оба стали красными, мокрыми и даже несколько синими (в тех местах тела, где вишни особенно четко приложились). В конце сражения Красс выпрыгнул из-за кресла и быстрой массивированной стрельбой горстями умудрился выгнать Лукулла в сад, что, несомненно, можно было рассматривать как полную победу.

Но, в конце концов, вишни в ведрах закончились и Лукулл, весело отдуваясь, заявил:

– Хорошо повеселились!

– Вкусная ягода, – заметил Красс, стяхивая с туники ошметки вишни. – В Сенат шел. Придется возвращаться домой и переодеваться. Да еще мыться...

– Мойся-мойся! – ухмыльнулся Лукулл, зная, что вишневый сок крайне трудно отмывается.

- Дашь мне парочку ростков этого чудесного дерева?
- Тебе не дам, но продам, – ответил Лукулл.
- И кто из нас барыга? – опять поинтересовался Красс.
- Все равно ты, – ответил Лукулл.
- Плевать! – заключил Красс.

Прощаясь, Лукулл сказал:

- У тебя везде интересы. Даже на Эсквилинском холме, где в ямы сбрасывают трупы умерших рабов. Я удивляюсь, как ты до сих пор не додумался до платных нужников.
- Интересная идея! – воскликнул Красс.

И здесь он вернулся мыслями на вершину горы. Огненная надпись исчезла с неба, но идея о платных нужниках продолжила сверлить мозг.

- Интересно, – поинтересовался он вслух у самого себя, – почему это я в свое время не воплотил такую колоссальную придумку в жизнь?

Но никакого ответа на этот вопрос он не получил, потому что отвечать было некому. Идею платных туалетов реализовали после его смерти. И сделал это тоже римлянин.

ПОРЦИЯ ВТОРАЯ

Марк поднял голову вверх и увидел, как солнце приближается к зениту, что никак его не удивило. Во время казни день пролетал особенно быстро. Возможно, это было связано с чередой воспоминаний, в которые окунался Красс, ожидая начало экзекуции. Ведь в воспоминаниях можно провести огромное количество часов, и время, льющееся сквозь память, превратится в быструю стрелу, унесшую погрязшего в прошлом человека на огромное мысленное расстояние.

И здесь на краю площадки возник сын Публий. Был он одет в странную военную форму желто-зеленого цвета с какими-то аксельбантами ожерельного вида. Публий постоял немного, заметил отца, и быстрым уверенным шагом направился к нему, крепко топая высокими армейскими ботинками.

Марк, тревожно глядя на Публия, сказал:

- Здравствуй, сынок!
- Привет, отец! – ответил сын. – Ну, как ты? Все скучаешь?
- А что тут еще делать? Вот, жду вас... А ты все воюешь?
- Воевал. Пока в очередной раз не ухлопали.

Сын подошел к древней дубовой колоде, лежавшей на краю площадки, выдернул из дерева секиру и, положив ее на каменистую поверхность площадки, встал на колени. Он припал головой к плахе и вопросительно посмотрел на Марка.

- Ну что ты так сразу? – спросил отец, вздохнув.

– А зачем затягивать? Тем более – куда деваться? Чем быстрее, тем лучше. Все равно ничего не изменишь.

– Но ведь можно немного поговорить, – в голосе отца зазвучала мольба. – Ведь так долго не виделись!

Сын встал на ноги, отряхнул колени и присел на колоду.

- Что случилось в этот раз? – поинтересовался Марк, поднимая с земли секиру.

– То же, что и обычно! – с досадой воскликнул Публий. – Только родился, вырос, возмужал, собрался было повоевать, и – на тебе! Попал к террористам в плен.

– И что дальше? – не отставал Марк, возбужденно крутя древко секиры в пальцах, отчего остро заточенное лезвие начало при вращении издавать свистящий звук.

– А что может быть дальше?! – возмущенно воскликнул Публий. – Отрезали перед кинокамерой голову как барану! Вот тебе и повоевал! Прямо рок какой-то!

– Что такое кинокамера? – поинтересовался отец.

– Да ничего особенного! – раздраженно взмахнул рукой сын. – Не забивай себе голову такими пустяками. Все равно не поймешь...

– Это я во всем виноват, – печально произнес Марк.

– Да брось! – сказал Публий. – При чем тут ты? Это наследственность.

Марк вспомнил, что в той, настоящей его жизни, он не рубил голову сыну. Ее отделили враги от уже мертвого тела. Марк тогда гневно кричал, торопя медленную каре, отягощенное обозом, скрытым внутри строя; неистово толкал в спины солдат, пытаясь увеличить скорость ползущего вперед огромного войска; иступленно клял себя за то, что позволил сыну отправиться в рискованную вылазку!

Легионы не могли двигаться быстрее. Разрыв строя – верная гибель для всей армии, окруженной конными лучниками, не прекращающими стрельбу ни на минуту. И понимали это все – от легатов до последнего солдата. А впереди, в какой-то лиге от основного войска, гибла римская легионная конница, возглавляемая сыном.

Они навалились на катафрактарию. Их было более десяти тысяч. Что такое три тысячи легко вооруженных конников и несколько когорт пехоты против жесткого строя закованных в железо конных воинов, привыкших побеждать, круша сплоченной массой любого противника?

Сын завел свой поредевший от непрерывно летящих стрел отряд на небольшой холм. Они спешили и приняли бой. Марк видел, что вдали кипит яростная схватка. Он рвался туда. Он хотел бы взлететь и помочь сыну, но человек летать не может, потому что на это способны лишь боги, которые покинули римское войско в трудный для него час.

Марк проклинал все на свете, но в глубине души понимал, что скорость медленно ползущего каре является сейчас самым главным фактором времени, отведенного богами для жизни его любимого сына. И время это уходит вместе с кровью того, ради которого он готов был положить свою, проклятую многими людьми жизнь.

Когда каре доползло к холму, все было кончено. Передовой отряд оказался уничтоженным полностью. Солдаты и центурионы усыпали своими мертвыми телами холм, и лишь у одного трупа не было головы. Ее отрезали парфяне. Им достался знатный трофей. Голова сына самого богатого человека в мире.

Марк вспомнил, что тогда счет дней потерял для него смысл, что войско стало ему ненужным. Он не знал, где находится и что делает, и как теперь дальше жить, а главное – зачем? Он даже не смотрел на парфянского всадника, носившегося перед римским строем. На острие копья, зажатого в руке конника, торчала голова Публия, и рот врага извергал колкие и обидные непристойности.

В этой завесе ему помнились лишь последующие атаки катафрактарию на само каре. И здесь он видел все четко. Его ярость не знала границ. Он пробуждался, включался в жизнь и командовал, с удовольствием глядя на то, как мощные клинья катафрактарию, рассыпаясь, ломаются о строй римских легионеров; как гибнут ненавистные, закованные в латы конники, а дисциплинированное каре ползет дальше, топча ногами тела тех, кто совсем недавно наслаждался гибелью его сына; как катафрактарии отъезжают от каре в сторону, осознав, что с римской пехотой им не совладать; и как лучники легкой парфянской кавалерии снова начинают посылать тысячи стрел в сторону несломленного, но обезвоженного и усталого римского войска...

Марк встряхнул головой.

– Прямо рок какой-то! – продолжал говорить Публий. – Сколько себя помню, всегда заканчивал очередную жизнь потерей башки. То ядром в бою оторвет, то отрубят в плену!

– Действительно, наследственность, – утверждающе сказал Марк.

– Конечно! – поддержал Публий с горячностью. – Хотя, если разобраться, что тебе, что мне – головы отрезали уже у трупов. Тогда, при Каррах, я был убит мечом. Впрочем, как и ты.

– Говорят, что мне залили в глотку расплавленное золото, – сказал, усмехаясь, Красс. – Об этом рассказал твой старший брат Марк.

– Понятное дело! – кивнул головой Публий. – Ты же мастерски обчистил иудейский Храм. Вот евреи и придумали эту сказку. А что с них возьмешь? Вся древняя история мира – еврейские сказки, украденные или подобранные у других народов. А вот постоянные потери головы сильно меня беспокоят. Ты периодически рубишь нам головы. Но это наказание, утвержденное богами за твою алчность. А там, внизу? Хоть бы раз меня застрелили, зарезали, утопили, да пусть бы взорвали, наконец! Нет. Голову вжик, и амбец военной карьере! Не понимаю!

Марк вдруг опять оказался в плену своей памяти. Это происходило всегда спонтанно и никак не зависело от его желания. В глазах его снова потемнело, а в небе возникли огненные титры:

БОГОВУ – БОГОВО,
КРАССУ – ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ
Трагедия

Вот и сейчас он, поддавшись воспоминаниям, мысленно возник вдруг в приделе Иерусалимского Храма. За спиной у него слышалось хоровое дыхание квестора Гая Кассия Лонгина, трибуна Петрония и четырех легионеров, а прямо перед ним стоял и блестел поросычьими глазками махрово-бородатый хранитель храмовой сокровищницы Элеазар.

Последний был иудейским священником, исполнявшим далеко не малую роль в иерусалимском Храме, и потому, понимая всю опасность своего нынешнего положения, он лучился приветственной энергией не хуже сальной ночной лампы. Первосвященник находился в отъезде, и теперь сохранность казны Храма зависела только от толстяка Элеазара, что доставляло последнему массу хлопот, но никак не интересовало прибывших.

Красс знал, что за его спиной кроме Кассия и Петрония с четырьмя легионерами имеется еще целая когорта пехоты у стен Храма, и потому чувствовал себя более чем уверенно.

– Мне лестно видеть тебя, – лебезящим голосом сказал священник. – С чем пришел ты к нам, наместник Сирии?

– Я прибыл с важной новостью, – произнес Марк, внимательно разглядывая голые стены залы. – Грядет война с парфянами. Рим хорошо подготовился к ней, и парфянам придется несладко.

– О, ты хочешь благословения? – услужливым голосом воскликнул Элеазар – Ты его получишь! Мы будем молиться в Храме за успех римского войска. И не один день!

– Спасибо за это, – улыбнулся Красс. – Я верю, что молитвы вашему богу принесут моей армии победу. Но этого мало, ибо легионеры питаются молитвами только тогда, когда нечем закусить вино. А для поддержания мышц в силе необходима еда. Вот за этим я и пришел. Ваш бог должен пожертвовать моему войску некоторую толику денег для покупки продовольствия.

– Но бог ничего и никому не жертвует! – вскричал Элеазар. – Жертвуют ему!

– Не кричи так, – сказал Красс, демонстративно прочищая пальцем правое ухо. – Если сюда придут парфяне, твой бог лишится всего, так как эти варвары моментально разорят ваш хваленый Храм. Для того чтобы они не пришли, надо отдать мне часть серебра и золота, хранящегося в Храме. Твоему богу выходит прямая выгода. Он жертвует некоторую толику своего богатства римскому войску, и не остается внакладе, потому что паства уцелеет (ее не перережут и не продадут в рабство). Эта самая паства быстро восполнит потраченные на войну средства.

– Но ты же наместник всей Сирии! – возопил Элеазар. – Неужели налоги, собранные с такой громадной территории, не накормят римское войско?!

– Почтенный, ты не понимаешь, насколько дорого стало воевать, – ответил Марк, картинно прочищая пальцем теперь уже левое ухо. – Во что только овес для конницы обходится!

– У тебя же нет конницы! – священник явно разбирался в военном деле. – Легионной кавалерии всего две-три тысячи. Какой овес? Травы хватит!

– Еще тысячу под командой моего сына Публия прислал Юлий Цезарь. Плюс эдесский царь Абгар обещал пригнать пять тысяч. Это уже много. Как без помощи твоего бога прокормить такую прорву людей и лошадей?

– Но ты же далеко не бедный человек!

– Не путай альтруизм с богатством. С какой стати мне тратить свои деньги для защиты вашего народа? Твой бог тоже не беден. Вот пусть и раскошеливается. Выходит, деньги получать ему нравится, а спасти свой народ – нет? Такого не бывает. Если тебе за что-то платят, будь добр исполнить положенную работу. А бог или человек – разницы никакой. Всякая работа должна оплачиваться. Вот пусть твой бог и оплачивает труды римского войска!

Элезар, собираясь с мыслями, несколько раз открыл и закрыл рот.

– Не верь этому эдесскому проходимцу Абгару! – наконец сказал священник, уводя разговор немного в сторону. – Он наверняка уже предал тебя и отправил гонцов к сурене Михрану. Кавалерии ты от него не дождешься. Поэтому и денег на ее содержание не понадобится!

– Ты слишком погряз в мирских заботах, – сказал Красс, внимательно разглядывая дверь, ведущую в глубину Храма. – Не годится жрецу заниматься вопросами, связанными с военным делом и союзническими отношениями. Ибо всем людям на свете известно: если жрец занялся политикой – бог моментально осиротеет, и вследствие этого факта обязательно обеднеет!

– Но ведь Гней Помпей, побывавший здесь за несколько лет до тебя, не осмелился прийтись к жертвенным талантам! – с пафосом воскликнул Элезар. – Ему тоже нужны были средства для армии, но он не стал кощунствовать!

Красс, не отрывая глаз от двери, ответил:

– Мне безразлично, что делал Помпей, а чего не делал. Или не смог сделать. У него теперь в управлении есть своя провинция, у меня – своя. И сейчас я совершаю то, что нужно Риму.

Элезар ничего на это не ответил, так как встревоженно наблюдал за глазами Красса. А глаза наместника Сирии остановились в одной точке и никуда больше не двигались. Точкой этой являлась массивная перекладина над дверью, ведущей во внутренние покои Храма.

Перекладина была дубовой, длинной и широкой. Толщина ее как бы говорила сама за себя: «А я не просто такая толстая, я толстая с определенной целью!»

Марк, резко обернувшись назад, бросил взгляд на входную дверь, над которой тоже была перекладина, но обычная, не вызывающая никакого интереса, поскольку пропорционально соответствовала всем канонам архитектурного искусства.

Кассий с Петронием последовали примеру своего начальника и также посмотрели на входную дверь. И если Петроний сделал это с непониманием, Кассий моментально оценил разницу в толщине перекрытий, и губы его тронула легкая усмешка.

Элезар, глубоко вздохнув, сказал:

– Римляне никогда не грабили храмов чужих богов.

Марк вернулся взглядом к священнику и заявил:

– Римляне никогда и никого не грабят. Они берут, что им положено.

Посмотрев внимательно на толстую перекладину, он продолжил:

– О каком грабеже ты говоришь? Никто не собирается грабить ваш Храм. Речь идет о помощи римскому войску. Мы защитим иудейский народ от варваров, а вы кратковременно пожертвуете для этого малую часть своего богатства.

– Что значит «кратковременно»?

– Все очень просто. Мы победим парфян, твой народ обрадуется и пожертвует вашему богу за спасение некоторое количество ценностей, которое с лихвой возместит затраченные для победы средства. Таким образом, потеря средств станет кратковременной и возместимой.

На протяжении этой речи взгляд Красса не отрывался от толстой перекладины. Кассий Лонгин смотрел в ту же точку, хитро сощурив глаза. Петроний глядел себе под ноги и потому никак Элезара не интересовал, впрочем, как и четверо легионеров, со скучным видом подпиравших стены залы.

И здесь священника вдруг посетила мысль, которую он тут же принял за божье откровение, ибо не было больше на свете мысли, дающей столь простое решение возникшей проблемы.

Держа в себе эту мысль как трепетную канарейку в руках, Элезар спросил:

– Наместник, мы можем поговорить наедине?

– Нет, – ответил Марк, – у меня нет секретов от своих воинов.

– Ты боишься остаться вдвоем с хилым старцем? – удивился Элезар.

– Это ты хилый?! – воскликнул Красс, круглыми веселыми глазами обводя жирную тушу Элезара.

Священник ничего на это не ответил, но почему-то покраснел.

Марк, презрительно усмехнувшись, обернулся к Лонгину и сказал:

– Подожди меня за дверью. Вместе с остальными.

Кассий молча вышел, и за ним тут же последовали Петроний с легионерами.

– Ну?! – требовательно обратился к Элезару Красс. – Что за тайны у тебя от моих воинов, хилый старец весом в четыре, минимум, таланта?

Элезар, понизив голос, спросил:

– Мы сможем договориться?

– Предлагай! – весело ответил Марк.

– Ты великий воин и наш народ ценит это. Но, кроме того – ты человек дела, и наш народ ценит это еще больше. Перекладина над дверью скрывает золотую штангу весом в триста мин!

Марк удивленно задрал вверх брови.

– Да-да! – возбужденно всхлипнул Элезар. – Штанга – пожертвование от... не имеет значения от кого! Мы отдадим ее тебе. Это золото сможет обеспечить твою армию не только продовольствием. А взамен ты поклянешься не трогать наш Храм!

Красс, встряхнув головой, заявил:

– Вот это дело! Согласен.

– Сейчас мы письменно составим нужный договор, – сказал Элезар, суетливо взмахнув руками.

– Еще чего?! – возмутился Марк. – Ты мне предлагаешь взятку и требуешь оформить ее документально? Нашел дурака!

Через полчаса разногласия были устранены. Никаких текстов писать не пришлось, зато Красс с пафосом поклялся перед своими солдатами, Кассием, Петронием и Элезаром, что не причинит Храму разрушений, опустошений и прочих бедствий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.